

Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: монография / Н.И. Коновалова- 2-е изд., испр. и доп.; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т».- Екб., 2007.- 298с.

Коновалова Н.И. Традиционна народная культура в зеркале языка// Филологический класс. №3 (29). 2012 с.5-12

Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко.- Смоленск: Изд-во Смол. гуманитар. ун-та, 1997.- 395с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.- М.: Индрик, 1995.- 512 с.

© Колпакова А.А., 2015

Кузнецова Е.А. (Екатеринбург, УрГПУ)

Направления исследования жанра райка в русской гуманитарной традиции

АННОТАЦИЯ: Статья раскрывает специфику жанра райка как части зрелищного искусства народных площадных увеселений.. Автор резюмирует парадигмы исследования райка (культурологическая, этнологическая, литературоведческая и др.), акцентируя внимание на психолингвистических аспектах исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: раёк, зрелищное искусство, парадигмы исследования, гуманитарная традиция, фольклорный текст.

Kuznetsova E.A. (Yekaterinburg, USPU)

Research directions for Heaven genre in the Russian humanitarian tradition.

Key words: heaven, performance art, paradigm of research, humanitarian tradition, folk text.

Одним из самых популярных зрелищных форм русского городского фольклора XIX века был «раёк» (известный также под названиями «потешная панорама» и «косморама»). В своих комментариях к русским народным картинкам Д. А. Ровинский описал его так: «небольшой, аршинный во все стороны, ящик, с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри него

перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители, «по копейке с рыла», глядят в стекла, - раешник передвигает картинки и рассказывает присказки к каждому новому номеру» [Цит. по: Конечный 2003: 5].

Раёк являлся неотъемлемой частью многожанрового зрелищного искусства народных площадных увеселений, все разнообразие которого было представлено на площадях и полянах русских городов XIX во время массовых гуляний и празднеств. Практика бытования жанра райка достаточно полно отражена в многочисленных описаниях ярмарочных и городских увеселений в периодике, мемуарах, дневниках и бытовых очерках XIX – начала XX веков (см., например, воспоминания А. Я. Алексея-Яковлева, А. А. Бахтиарова, несколько статей-воспоминаний в журналах «Столица и усадьба», «Наша старина», «Репертуар и Пантеон» и т.п., очерки в газете «Северная пчела» и др. [Конечный 2003: 5]). В этих источниках мы находим детали, важные для характеристики жанра и его бытования, такие как отмеченные очевидцами особенности исполнения раёшником и используемые им приемы привлечения внимания публики, ссылки на социальную принадлежность исполнителя (преимущественно – крестьяне и отставные солдаты) и преобладающий социальный и возрастной состав публики. Отмечалась и специфика восприятия слушателями выступления панорамщика: в описаниях конкретных ситуаций раёшного представления наблюдается всегда живой эмоциональный отклик зрителя-слушателя, который служит началом диалога и сотворчества исполнителя и публики. Очерки и воспоминания являются также источниками самих текстов раешников (чаще всего фрагментов текстов), т. е. комментариев, присказок, присловий владельцев «потешных панорам».

Словесная часть райка публиковалась не только в описаниях гуляний, но также и в дешевых изданиях середины и конца XIX века, предназначенных «для развлечений и домашних игр». Это были книги, включающие тексты и иллюстрации, выстроенные

по типу выступления панорамщика (приветствие публики, приглашение взглянуть в стекло панорамы, и далее – комментирование каждой картинки). Некоторые издания представляют собой собранные тексты (предположительно такими являются издания К. Губерта), другие написаны «по подобию устных выкриков, с воспроизведением фразовых и сюжетных раёшных клише» [Конечный 2003: 9].

Уже в XIX веке «раёк» как жанр народной зрелищной культуры привлек внимание фольклористов. Упоминание о нем встречаем в работах Ал. Веселовского «Старинный театр в Европе» и В. Н. Перетц «Кукольный театр на Руси». В названных работах происхождение «потешной панорамы» связывают с вырождением некоторых жанров народного театра (прежде всего вертепного представления) и последующим видоизменением сохранившихся традиций «под влиянием занесенных с Запада забав» и «в связи с развитием лубочных картин» [Веселовский 1870: 398–399; Перетц 1895: 159–161]. Связь райка с западными развлечениями (панорамой и косморамой, показом видовых живописных полотен) отмечала и А. Ф. Некрылова. В своей работе, посвященной формам городских площадных зрелищ и увеселений, одну из глав исследовательница посвятила обзорному описанию жанра «потешной панорамы», специфике его бытования и художественной характеристике [Некрылова 1984: 87–113].

К проблеме своеобразия раёшного жанра обращаются и современные исследователи. Б. М. Соколов в статье, посвященной «социальным обстоятельствам бытования лубка» (русской народной картинки), раскрывает идею обусловленности формы представления панорамщика «характерными качествами лубка» (автор вводит термин «игровой лубок», по аналогии с Лотмановским «лубочным театром»), такими как «коллективная интерпретация, включение зрителя в радостное фантазирование и смех» и называет раёк «частью истории русской народной гравюры» [Соколов Режим доступа: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=198>].

Проблеме «соотношения визуальной и вербальной знаковых систем в практике русского райка» посвящена статья А. Г.

Магалашвили. Специфика жанра рассматривается автором в семиотической парадигме. Раёк представлен структурой, включающей в себя несколько видов знаков («несколько языков»), находящихся в «игровом соотношении» (раёк рассмотрен как креолизованный текст) [Магалашвили Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/magalashvili1.htm>].

Стоит отметить работу социолога А. Г. Левинсона «Опыт социографии», одна из глав которой посвящена раскрытию «социальной роли и художественного строения народных гуляний в столичных городах России 19 века». Тексты, звучавшие на площадях «из уст балаганных и карусельных дедов, петрушечников, раёшников-панорамщиков» автор рассматривает и анализирует в контексте художественной структуры и функциональных особенностей народных гуляний. Левинсон проводит аналогию между русскими городскими празднествами и западноевропейским карнавалом, в равной степени являющимися «особым механизмом социальной регуляции». «Раешники» (названным термином автор обозначает любой вид «площадной речи, звучащей на городской площади и взаимодействующей с речью площадной толпы»), обусловленные ситуацией праздника, воспроизводили, в свою очередь, «структурную картину гуляний», и совпадали с общим праздничным действием функционально. Главной задачей, решаемой «всем механизмом гуляний в целом», по Левинсону, было игровое преодоление границ между «чужим» и «своим», «деревенским» и «городским», «старым» и «новым» и т.д., что мы и наблюдаем в речах балаганных дедов, торговцев-разносчиков и зазывал райка [Левинсон 2004: 161–209].

Резюмируя парадигмы исследования райка, мы обнаружили, что данный жанр в русской гуманитарной традиции рассматривается следующими научными дисциплинами: культурология, этнология, литературоведение, фольклористика (в меньшей степени – лингвофольклористика), семиотика и социология. На наш взгляд, перспективным направлением в исследованиях зрелищных жанров городского фольклора XIX века (в частности райка) является лингвистический анализ фольклорных текстов, в частности применение методов анализа,

разрабатываемых психолингвистикой и новыми направлениями лингвистики (анализ дискурса, прагмалингвистический анализ, анализ речевых стратегий и тактик). Психолингвистические аспекты исследования феномена райка косвенно представлены и в работах названных выше исследователей. Это такие аспекты, как: социокультурные характеристики исполнителей и публики, особенности их взаимодействия, специфика восприятия слушателями выступления, описания конкретных ситуаций раёшного представления, приемы привлечения внимания публики и т.п.

Мы считаем, что, расширяя данную парадигму исследования традиционного городского фольклорного текста, следует провести анализ дискурса раёшника относительно субъекта и адресата речи, отношений между участниками коммуникации, ситуации общения, рассмотреть высказывания в совокупности с паралингвистическими средствами и экстралингвистическими явлениями. Это позволит выявить, какие факторы и коммуникативные ходы влияли на интерпретацию текстов райка участником увеселения, какие способы воздействия на публику присущи данному жанру, наметить пути изменения представлений адресата о мире, системы и структуры имеющихся в сознании концептов.

Литература

Веселовский Ал. Старинный театр в Европе: Исторический очерк. – М., 1870. – 410 с.

Конечный А.М. Раек в системе петербургской народной культуры // Петербургский раёк [Сост., вступ. ст. и коммент. А. М. Конечного] – СПб.: Гиперион, 2003. – 96 с.

Левинсон А. Опыт социографии: Статьи. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 664 с.

Магалашвили А.Р. Визуальный и вербальный знак в системе русского райка [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/magalashvili1.htm>

Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII - начало XX века. – «Искусство»: Ленинградское отделение, 1984. – 216 с.

Перетц В.Н. Кукольный театр на Руси (Исторический очерк)
// Ежегодник императорских театров. Приложения. Кн. 1. СПб.,
1895. С. 85-185.

Соколов Б.М. "Игра с лубком". Художественная система
русской народной гравюры и городской праздничный фольклор.
[Электронный ресурс] Режим доступа:
<http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=198>

© Кузнецова Е.А., 2015

Лан Лиин (Чаньчунь, КНР)

***Переносные значения зооморфизмов в русском и
китайском языках***

АННОТАЦИЯ: В статье дан сравнительный анализ использования зооморфизмов в русском и китайском языках, показаны различия и сходство в зооморфном наименовании человека, отмечено, что и в том, в другом языке названия живых существ выступают для эмоционально оценочной характеристики поведения человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зооморфизм, фразеологические единицы, образ человека.

Lan Liyin. (Changchun, China)

Indirect meaning of Zoomorphisms in the Russian and Chinese languages.

Key words: zoomorphism, phraseological entities, human image.

Зооморфизмы, используемые для эмоционально-оценочной характеристики человека, давно уже привлекают внимание исследователей, поскольку животные с незапамятных времён играют важную роль в хозяйственно-экономической жизни и традициях носителей языка, и повадки животных легко сопоставляются с поведением человека.

Зооморфизмы могут встречаться как в виде отдельных лексем: например, в русском языке: *ворона, осёл, медведь, орёл*, так и в качестве компонентов зоофразеологических единиц, таких как, например: *кот в мешке, (бежать) как крысы с*